

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ЗАЕЗД.....	6
АРМАГЕДДОН.....	39
ХОЗЯЙСТВО.....	64
ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР	83
НОЧЬ И УТРО.....	106
ДЖАН И ДРУГИЕ.....	130
ВТОРОЙ ВЕЧЕР	153
ОЖИДАНИЕ	182
ОТЪЕЗД	198

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сначала я хотел назвать книгу немного по-другому и спросил героя этой книги, какой вариант названия он бы предпочёл: «Два дня у Армагеддона», что более точно соответствует содержанию, или коротко и просто — «Два дня Армагеддона». В последней версии оставляем читателю возможность пофантазировать. Мой герой подумал немного и написал: «Мне нравится книга, где Армагеддон рассказывает про СВО после окончания, когда они ВСЕ вернулись».

«Вот так, — подумал я: — „Все вернулись“».

И ответил: «Будем мечтать и о таком названии!»

ЗАЕЗД

Слова «заехать», «зайти» и их производные на фронте имеют несколько иное значение. «Зайти», например, означает войти в какую-то точку и закрепиться. Вообще война на Донбассе родила целый словарь новых терминов, слов и словечек. Чего стоит только «прилёт» — раньше никогда не говорили так про снаряды. Про ракеты, может быть, военные и выражались подобным образом, не знаю, не слышал, а вот снаряды всегда «падали», а теперь «прилетают». Ну а я заезжаю, правда, в обычном, гражданском смысле слова.

Погожий февральский день. Солнышко выползло наконец-то. А ещё вчера мела метель. Деревья стоят в снегу. Красивая зимняя картинка. Как с полотна художника сошла. Но погожий — это

плохо. «Очень плохо», — говорит мой провожатый. Да не провожатый, а просто водитель. Везёт он к Армагеддону кучу всякого очень нужного барахла. Я даже не знаю что. То, что я привёз сюда из Питера: тепловизоры, коллиматорные прицелы и очень надёжные бронежилеты, мы сбросили на тыловой базе — там всё распределяется. А тут какие-то коробки, рюкзаки, ящики с боеприпасами. Потом четыре мужика, заросших, как мне показалось в темноте, бородами, будут выгружать. «Быстро, быстро! — командует Армагеддон, а мне пояснит: — Погода уж больно хреновая!»

Вообще, бородатый боец — это такой штамп, сейчас им разрешили не брить бороду, может, поэтому, по контрасту, они бросаются в глаза, волей-неволей выделяешь их на общем фоне. А ребята у Армагеддона разные, те, что с ним на точке находятся, — бритые как раз. Он ещё что-то скажет им насчёт выгрузки

и поведёт меня внутрь, несмотря на мои робкие попытки подставить плечо, то есть руки, и помочь мужикам выгружать бесчисленные коробки. «Не-не, вы гость, зачем, они сами справятся, четыре человека, зачем больше? И так уже мисень! — и тут же, явно для моего спокойствия, добавил: — А вообще у нас тут тихо, не волнуйтесь!»

А погода стояла действительно хорошая: солнечный февральский денёк, снег искрился в лучах заходящего светила. Редкое явление за последние годы. Обычно тут зимы сейчас тёплые, бесснежные, а нынче и морозец, и снежка подсыпало... Водитель мой два раза перекрестился, когда мы двинулись. Почему два, а не один и не три? Я, конечно, не стал спрашивать. Молодой, что сидел напротив меня, всё время держал пальцы на двух кнопках. Ему их сразу сунули, мол, давай, тебе всё равно нечего делать. Я даже не стал спрашивать. Понятно и так — РЭБ.

— А помогает? — поинтересовался я для порядка.

— Да так, иногда, — пряча взгляд, ответил боец.

Я даже подумал было, что для моего гостевого спокойствия кнопки эти держали, но нет, потом выяснилось, что ни черта не для меня — для дела. Но нам, правда, не понадобилось. Считаю, повезло. Хотя... Ладно, обо всём плохом чуть позже. А пока мы едем и едем: двое спереди — водила и напарник с ружьём от дронов: гладкий ствол, крупная дробь, таким легче попасть в движущуюся цель. А сзади, на куцах недосиденьях около двери — тот молодой солдатик и я. Всё остальное пространство внутри машины забито вещами: и задняя часть «буханки», и та, где, наверное, раньше были места для пассажиров. Оптимизировали место внутри по максимуму. Если надо, то человек может и на коробках с рюкзаками расположиться — не बारे. Правда, как он будет взлетать

на ямах и на бороздах, когда штурмуют грязь перепаханых полей, можно только представить. Но, похоже, больше двух пассажиров редко приходится возить. Такая нынче война — люди в ней действительно штучный товар, сотнями на передний край их не бросают.

Солдатик, что со мной рядом сидел, из отпуска возвращался. Колечко на соответствующем пальце (сам с тонким, интеллигентным лицом, бреет только усы, борода не растёт, а пальцы как у кавказского рыночного торговца: крупные, мясистые — редкое сочетание, привычнее штамп: тонкие пальцы — утончённый овал лица). Рассказывает мой новый знакомый по имени Рома: ездил жениться. Правда, свадьба — уже не повод для внеочередной отлучки из части — это дело прикрыли, но командир, спасибо ему отдельное, так подгадал, что парень смог доехать до любимой и расписаться. А время уже поджимало — невеста-то почти на

сносях — через два месяца рожать. Вот ведь как бывает: жизнь продолжается, он воюет, а жена матерью скоро станет. И не надо никаких пошлых домыслов! У меня перед глазами не один подобный пример. Просто люди подстраиваются под ситуацию. А может, и не без задней мысли — род продолжать надо. Мало ли что. Так хоть потомство будет расти. Или я слишком далеко зашёл в своих рассуждениях?

Во всяком случае, нам в глубоком тылу кажется, что раз ушёл на СВО, значит, всё, никакой личной жизни. В лучшем случае — жене позвонит, с детишками пообщается. А вот и нет. Передо мной — живая иллюстрация.

Кстати, оказалось, что паренёк, если его так можно назвать, из Питера. Я обрадовался: «Земляк!» — говорю. Питерских и московских на фронте мало, всё больше мужики из глубинки. Больше всего в самый первый приезд в зону СВО меня поразили забайкальские

«пацаны» без зубов — на дантистов денег в своих деревнях не заработали. Мужикам лет по сорок-пятьдесят, и все, как один, «сияют» впечатляющими щелями в челюсти. Потом я вспомнил виденное в телевизоре: «Буряты не сдаются!» — заявил президенту один наш воин — русский из Бурятии. Путину эта фраза очень понравилась. Но из моих тогдашних «бурятов» уже кое-кого нет с нами — тоже не сдались.

А так вообще хватает всяких: и калмыков, и якутов, и краснодарских, и иркутских. Только вот с Рублёвки никого не встречал, а ведь они больше всего от войны выиграют или, может, проиграют. Не знаю. Не буду гадать. Это я читал в одной из изданных таким хорошим тиражом книжек одного довольно известного автора (правда, более известного в восьмидесятые годы, а не сейчас): депутат Госдумы и мальчик из «золотой» молодёжи на фронте встретились. Да

уж, место встречи изменить нельзя! Они там у него чуть ли не целуются. Словно как в начале известной книжки Валентина Катаева: «О, Гаврик!» — «О, Петька!» Воюют вместе, кровь за Родину проливают, ага! Хотя одного бойца с позывным Депутат я встречал, правда, он не из Госдумы был.

Но я отвлёкся, сосед мой — земляк-то земляк, да не совсем. Оказывается, в Питер переехал по работе из Казани. Вроде карьеру делал хорошую, из простых складских рабочих дошёл до начальника смены. Сколько-то народу под командой у него было! Чего ему не хватало? А вот туда же. Но я дошлый: выяснил — филиал в Питере контора закрывала, ему Москву предложили, а он выбрал СВО. Бывает же! Или я чего-то не понимаю. Это даже круче, чем выбор в пользу Урюпинска, когда предлагают Париж! Хотя в наше время и Париж уже не Париж. Это я со всей ответственностью заявляю.

Парень, и правда, необычный в поступках. В общем, как-то так у него случилось. Возможно, были и другие нюансы, но я ведь не следователь: моё дело — очерк написать, а не журналистское расследование заводить. То есть в нашем славном граде Петра молодой человек-то два-три года всего пожил, да и далековато от меня, но я настаиваю — земляк. Приятно. С женой своей, кстати, дружбу завёл уже будучи на фронте. Бывает, хотя нам, штатским оглоедам, такое трудно представить. Девушка стала ездить на Донбасс, волонтировать, в больницах, извиняюсь за подробности, дерьмо убирала. Ну а он к ней, в отпуск, и так вот, раз за разом, да полюбились друг другу, дело молодое. Только я сидел, смотрел на спокойно рассказывавшего мне свою жизнь солдата и думал: «Мальчишка, а доведётся-то тебе сынишку увидеть?» Опять я в мрачные прогнозы ударился, так и тянет их строить, потому меня лучше не

слушать, не надо, я могу быть таким пессимистом, что порой следует рот затыкать. Типун, как говорится, тебе на язык, такому-растакому. Очень хочется, чтоб увидел сыночка боец. Воюй, солдат!

Парня вроде подобные мысли не занимали, он уверенно говорил о будущем, мол, квартиру купит и всякое такое. Ну да, в штурмах он своё уже оттарабанил, с врагом лицом к лицу. Сейчас по БПЛА специалистом заделался. Мне командир его потом рассказал, как паренёк этот чудом смерти избежал. А вот напарник не смог. Первый полез: там в подвале каком-то мешки навалены были, следовало проверить, что или кто за ними. И, значит, парень полез, а потом Каспер (это позывной такой у моего знакомого, не по привидению из мультика, просто так получилось) услышал только выстрелы и крик или наоборот: крик и выстрелы, уж не помню, как он выразился. Нет бы сразу, с этой стороны мешков крикнуть: «Кто там, выходи!»

Мирные бы откликнулись, а нет, так гранатами закидать, слава богу, этого баракла Минобороны своим солдатам даёт немерено. Вышло наоборот: тело смогли достать только спустя некоторое время...

Когда потом вытащили напарника, я даже не спросил. Через неделю, через месяц, а бывает ведь, что и через год. И потом долго определяют — кто. По ДНК. В Ростове, говорят, большой холодильник есть, где наши и не наши неопознанные ждут свой черёд. Долгая работа, не буду вникать в детали этого печального процесса. Но сначала те воины потерялись или, по-военному выражаясь, пропали без вести. Военные, правда, обычно употребляют сокращение — БВП. На связь человек не выходит, тела нет, значит БВП. Потом, когда отодвинут врага дальше, приходит время собирать скорбный урожай — и своих, и чужих.

Вот и у Армагеддона, командира десантно-штурмовой роты, к кото-

рому я еду, таких БВП, увы, хватает. Но он, в отличие от меня, оптимист: его поленом не перешибёшь. Он в себе уверен и в своих бойцах тоже. И сам был однажды БВП, аж целых пятнадцать дней. В начале СВО поехали в разведку. Поехали... Сейчас нечто подобное представить невозможно, тогда ещё другая война была. Поехали и попали в засаду, в одну, потом вторую, потом и вовсе в окружение, блукали, потеряли связь, заняли круговую оборону. Помирать — так с музыкой, не сдаваться! Держались, сколько могли, потом пошли на прорыв. Что его жена за эти дни пережила, сколько раз его похоронила? Даже представить трудно. Я в прошлом году наблюдал на расстоянии похожую ситуацию. Там боевая подруга крепилась, как минимум внешне, и дождалась весточки. Но только в первый раз ей так повезло, во второй уже было без вариантов. Привезли тело вместо добрых вестей.

«Человек на земле».

Рисунок Сергея Псарёва

А другой боец, мой сосед по купе в поезде Ростов — Санкт-Петербург, аж три недели оставался таким «бесхозным». Сначала один лежал — ноги перебиты, потом местная женщина по воду пошла, это, думаю, понятно, образное выражение; на него наткнулась, помогла ему перебраться в подвал своего дома. Там она с больным мужем пряталась. Пряталась и без всяких лекарств выхаживала двоих мужиков. Бойца спасла. Подошли наши,